

Тань Юмин посмотрел на него и с невозмутимым видом ответил:

— Оберег на удачу.

— Я ещё раз тебя спрашиваю: что это за талисман?

Тань Юмин на мгновение замер. Поняв, что Шэнь Цзуннянь уже всё знает, он рассердился и упёрся:

— Обычный оберег на удачу.

Шэнь Цзуннянь пристально посмотрел на него. Он развернул талисман передачи кармы и поднял его перед лицом Тань Юмина, точно ордер на арест:

— На обычных оберегах пишут ба-цзы обоих партнёров?

Тань Юмин плотно сжал губы. Шэнь Цзуннянь прямо у него на глазах с резким звуком разорвал талисман пополам.

— Ты что творишь! — Тань Юмин в ярости попытался выхватить бумагу.

Шэнь Цзуннянь поднял руку выше, а другой мёртвой хваткой сковал оба его запястья. Тань Юмин не мог вырваться. Он беспомощно наблюдал, как Шэнь Цзуннянь подносит талисман к красной свече. Бумага вспыхнула. Багровое пламя заплясало, отражаясь в мрачном лице Шэнь Цзунняня.

Когда талисман окончательно превратился в пепел, он повернул голову и без тени эмоций предупредил:

— Если я ещё раз увижу у тебя такой талисман, буду сжигать его каждый раз.

Тань Юмин уже готов был разразиться проклятиями, но услышал тихий голос:

— Тань Юмин, если я пострадаю сам, это будет просто рана. Но если пострадаешь ты, мне будет больнее в сто, в тысячу раз. Выбирай сам.

Тань Юмин замер. Пламя гнева в его груди мгновенно погасло. В священном месте нельзя было обниматься или держаться за руки. Он просто подошёл вплотную и задел его плечом, пробурчав с обидой:

— Наставник сказал, что у меня хорошая судьба. Если я поделюсь ей с тобой, ничего

страшного не случится.

Шэнь Цзуннянь опустил взгляд на его лицо. Он остался непоколебим:

— Это не имеет значения. Если бы я захотел передать свою судьбу тебе, ты бы согласился?

Тань Юмин замолчал. Шэнь Цзуннянь взял его за плечи, погладил по затылку и произнёс уже мягче:

— Сегодня мой день рождения. Будь послушным.

— Но нельзя же говорить такие вещи в таком месте, — упрямо отозвался Тань Юмин. — А вдруг Небесный владыка услышит и примет всерьёз?

Шэнь Цзуннянь сильно сжал его шею сзади:

— Не смей перекладывать вину на меня. Сам натворил дел, а теперь мне и сказать ничего нельзя?

Тань Юмин втянул голову в плечи.

— Тань Юмин, — Шэнь Цзуннянь нахмурился, глядя на него с досадой и нежностью. — Не бойся и не пытайся меня «компенсировать». Просто будь в порядке — тогда и со мной всё будет хорошо. Ничего не случится.

Тань Юмин пристально посмотрел на него. Его взгляд был пылким и глубоким:

— Я отвечу тебе тем же. Будешь в порядке ты — буду в порядке и я. Запомни это хорошенько.

Оба понимали: угрожать друг другу бесполезно. Только сделав «заложником» самого себя, можно добиться результата. И каждый был упрямее другого. Теперь всё было честно: никто не посмеет действовать опрометчиво. Оба втайне решили беречь себя, чтобы не заставлять другого страдать.

Шэнь Цзуннянь первым пообещал:

— Хорошо.

Тань Юмин придвинулся ближе и тихо ответил:

— Ладно.

Они с детства быстро ссорились и так же быстро мирились. Сжегши злополучный талисман, они вместе попросили обереги «единого сердца» и «избавления от бед». Тань Юмин настоял на том, чтобы проверить их совместимость по ба-цзы. Он не решился спрашивать у мудрого наставника Сюаньлина, поэтому обратился к молодому даосу-новичку.

Тот, ещё не набравшись опыта, долго вглядывался в записи и бормотал в замешательстве:

— Слияние небесных стволов, взаимный замок Красного Феникса... Но почему... почему здесь два мужских знака?

Тань Юмин приснул со смеху, едва сдерживаясь.

Когда они вернулись домой, у дверей их встретил зелёный попугай бабушки:

— С днём рождения! С днём рождения!

— Какая подлиза! Почему ты на мой день рождения так не кричал? — Тань Юмин бросил птице горсть корма и побежал на кухню посмотреть, что приготовили для праздничного ужина. Увидев, что Гуань Кэчжи приготовила лапшу долголетия, он остался доволен.

— Готовься съесть две миски, — прошептал он Шэнь Цзунняню с ехидством. — Заодно за прошлый год отдувайся.

Тань Чжуншань открыл вино. Дедушка Тань и Гао Шухун были в прекрасном настроении. Они наполнили бокалы и вручили Шэнь Цзунняню пухлые красные конверты с деньгами.

Дедушка Тань с покрасневшимся лицом радостно заговорил:

— Нянь-цаю уже тридцать один. Время летит слишком быстро. Когда ты только пришёл в наш дом, ты был совсем крохой. Почти не ел, не разговаривал, всё время ходил с ледяным лицом. Мы с твоей бабушкой просто не знали, что с тобой делать.

Все рассмеялись. Гао Шухун отпила глоток вина:

— И то верно! Ни я с дедом, ни родители Юмина не могли к тебе подступиться. Пришлось отправить Мин-цзяя. И кто бы мог подумать — сработало!

— А вы на кого рассчитывали? — гордо вклинился Тань Юмин.

Дедушка Тань поднял бокал:

— Давайте выпьем за именинника! С днём рождения. Пусть каждый год будет мирным, пусть всё идёт гладко и радостно. Не тащи всё на своих плечах, если что — говори семье. Мы всегда будем твоей опорой. Вы оба — прекрасные дети. Что бы вы ни решили делать, мы всегда вас поддержим.

Гао Шухун бодро добавила:

— Точно! Давай, именинник, загадывай желание. Нет, два! И говори, если чего-то хочешь. Сегодня мы празднуем и за прошлый год тоже.

Шэнь Цзуннянь встал с бокалом в руке. Все ждали его слов. Он посмотрел на всё ещё крепкого старика и вечно элегантную бабушку. Его голос звучал серьёзно и торжественно:

— Дедушка, бабушка, дядя Тань, тётя Гуань. Спасибо вам большое. У меня нет других желаний.

Он крепче сжал ножку бокала. На мгновение воцарилась тишина. Было видно, что он непривычно взволнован. Он с трудом, но решительно произнёс:

— Я лишь прошу у старших позволения и дальше заботиться о Тань Юмине. Я... я сделаю всё возможное, чтобы он был счастлив.

Тань Юмин не ожидал такого поворота. Он удивлённо взглянул на него и даже слегка засмутился. «А Шэнь Цзуннянь-то не промах», — пронеслось у него в голове. Его лицо покраснело от вина, а глаза забегали по сторонам под ироничным взглядом Гуань Кэчжи.

Старики оказались мудрее всех. Дедушка Тань за эти полтора года успел и поплакать, и поболеть, и пережить горе. Он уже смотрел на жизнь и смерть философски. Он первым чокнулся с бокалом Шэнь Цзунняня:

— Ну тогда забирай этого оболдуя себе. Натерпишься ты с ним ещё.

Гао Шухун тоже кивнула:

— Живите дружно. Главное, чтобы у вас всё было хорошо.

Тань Чжуншань и Гуань Кэчжи с улыбками подняли бокалы и выпили до дна.

После торта и свечей они вдвоём пошли в сторону Восьмиугольного здания. Горы Баоцзиньшань и Цыэньшань тонули в огнях. Повсюду мерцали красные свечи — это были те

самые фонари за здравие, которые зажигал Тань Юмин. Даже после возвращения Шэнь Цзунняня их не убрали.

Тань Юмин всё ещё смаковал клятву, которую Шэнь Цзуннянь дал при родителях. Ему было сладко, гордо и немного неловко. Его рука то и дело случайно касалась руки Шэнь Цзунняня. Тот заметил эти робкие движения и резким жестом перехватил его ладонь, крепко переплетая пальцы. Тань Юмин сиял так, будто у него вырос хвост, которым он вилял до самого неба.

— Чему ты смеёшься?

— Смеюсь, потому что мне весело. Тебе-то что?

— Дурачок.

— Хе! — Тань Юмин возмутился. — Только что обещал заботиться обо мне и делать счастливым, а уже передумал? Как быстро ты меняешь маски!

В глазах Шэнь Цзунняня промелькнула едва заметная усмешка:

— Я не обещал заботиться о дурачках.

— Сам ты дурак! — Тань Юмин запрыгнул ему на спину и скомандовал: — А ну вези меня!

Шэнь Цзуннянь слегка присел, принимая его вес. Тань Юмин дрыгал ногами, пока Шэнь Цзуннянь ощутимо не шлёпнул его:

— Не дергайся.

— Офигеть! — преувеличенно закричал Тань Юмин. — Шэнь Цзуннянь, у тебя что, фетиши какие-то? Синяк же будет!

Проходившие мимо слуги начали оглядываться. Шэнь Цзуннянь помрачнел:

— Не придуривайся.

Тань Юмин обхватил его ногами за талию, окончательно обнаглев:

— Буду! Я тебя ещё и засужу.

Шутя и перепираясь, они вошли в дом. Шэнь Цзуннянь опустил его на кровать, но Тань Юмин

не разжал рук. Он обвил его шею, а длинные ноги привычно обхватили поясницу. Он висел на нём, как коала.

— Ты куда собрался?

Шэнь Цзуннянь смотрел на него сверху вниз, молча, не отводя тёмного взгляда. Тань Юмин снова забегал глазами и пробормотал:

— Ты же уже представился родителям. Теперь у нас всё официально: обряды соблюдены, благословение получено.

В глубине глаз Шэнь Цзунняня замерцала улыбка:

— Ты даже про обряды вспомнил.

Тань Юмин вцепился ему в шею и затряс:

— Ты подарок-то открывать будешь или нет?!

Шэнь Цзуннянь прикинулся непонимающим:

— И где же подарок?

Тань Юмин фыркнул, вскинул подбородок и положил его руку на пуговицы своей рубашки. Подарок явно был с характером:

— Вот он.

Улыбка исчезла с лица Шэнь Цзунняня. Он упёрся рукой рядом с его головой, а другой крепко обхватил его подбородок, оставляя след, а затем медленно провёл по коже большим пальцем.

— Тебе будет больно, — негромко сказал он.

Тань Юмин потёрся коленом о его бедро. Он был полон нетерпения:

— А может, мне будет очень кайфово.

Взгляд Шэнь Цзунняня стал тяжёлым, тёмным и пугающим. Тань Юмин почувствовал, как его накрывает жаром чужого тела. На мгновение он ощутил холодную чужаковую отстранённость, но тут же был покорён этой мощью, властностью и агрессией. Его натура, тянущаяся к силе,

заставляла его трепетать от восторга. Он был на пике возбуждения. Он и сам не мог точно сказать, за что любит Шэнь Цзунняня, но сейчас понимал: именно за эту неукротимую силу.

Трудно было понять, кто начал первым. Волосы Тань Юмина быстро спутались, ресницы намокли. Он упёрся ступнями в крепкие бёдра Шэнь Цзунняня и страстно выгнулся навстречу.

Пальцы Шэнь Цзунняня зарылись в его чёрные волосы. Твёрдость встретилась с мягкостью. Корабль, долго скитавшийся в одиночестве, наконец нашёл свою гавань. Глубинные течения забурлили, тела сплелись в ритме, который был быстрее и яростнее морских волн.

Они выросли вместе и знали тела друг друга лучше собственных. Рука на затылке, ноги на талии — они подошли друг другу идеально, как пазы в замке. словно две дикие лианы, они переплелись так, что не разобрать, где чьи стебли. У них были общие корни, и теперь они делили на двоих и день, и ночь, и солнце, и ливень. Порывы ветра били по листьям, заставляя ветви дрожать.

Когда-то они вместе учились читать и писать. Теперь они вместе исследовали свои тела. Тесное детство, болезненная юность, упущенное совершеннолетие — и вот они пришли к своему тридцатилетию. Семена, посаженные Шэнь Цзуннянем двенадцать лет назад, этой ночью должны были расцвести.

Тань Юмин чувствовал, как в него вливается сама суть Шэнь Цзунняня. Казалось, в нём прорастают новые побеги — они тянулись, крепили, заполняли его до краёв, принося плоды, принадлежащие только им двоим.

Шэнь Цзуннянь ждал слишком долго. Он игнорировал все ругательства Тань Юмина, его челюсть была плотно сжата. Тань Юмина то бросало в жар, то заливало потом. Он запрокинул голову и закрыл глаза — это было больно, страстно и дерзко.

— Твою мать... — выдохнул он.

— Чёрт... ты когда-нибудь...

— Ни хрена себе...

— Ты, блядь, с ума сошёл?

— Ты меня вообще слышишь?!

— Шэнь Цзуннянь! Шэнь Цзуннянь!!!

Когда всё закончилось, оба тела, покрытые испариной, замерли. Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин

тяжело дышали, не отрывая друг от друга расфокусированных взглядов. А в следующее мгновение они снова крепко прижались друг к другу.

Два сердца бились в бешеном ритме, точно звёзды, готовые взорваться в их собственной, личной вселенной.

<http://bllate.org/book/17117/1621314>